

«возвещает грядущее». Аполлон есть символ «света, меры, ограничения»[5]. Самоограничение, чувство меры, «свобода от диких порывов», «довсери» «принципу» и «спокойная неподвижность» – это основные характеристики аполлонического начала (аналогично «Афинам» Л.Шестова). Сочетание двух начал породило, согласно Ф.Ницше, греческую трагедию, что позволило позже Л.Шестову рассуждать о «философии трагедии» применительно к «Иерусалиму». Подобно ницшеанскому утверждению «множественности истины», обретенных Дионисом, Л.Шестов выступает за релятивизм, который возможен при «господстве Иерусалима». В работе «Так говорил Заратустра» Ф.Ницше уже в качестве носителя дионисийского начала будет называть Восток, а не раннюю греческую культуру.

Ф.Ницше с сожалением констатирует, что в современном мире преобладает аполлоническое начало, и зарождение этого видит в классической Греции. Немецкий мыслитель верит в возможность и необходимость возвращения к «равновесию начал» (нужно «открыть дорогу дионисийству»).

Не все размышления о культуре у Ф.Ницше позитивны. Он уверен, что одной из своих доминантных задач культура видит попытку «выдрессировать» человека, подчинить законом. Немецкий же мыслитель боролся против «самоочевидностей», против установленных норм. Он приходит к борьбе с культурой как носителем принципов «всемства», выступая за необходимость лишь элитарной культуры, культуры Сверхчеловека, культуры собственных норм и принципов.

В заключение отметим, что обращение к проблеме культуры у Ф.Ницше происходит в рамках его феноменологической концепции. Мировоззренческую позицию Ф.Ницше невозможно представить вне размышлений о культуре. Немецкий мыслитель уверен в необходимости утверждения элитарной культуры, Сверхкультуры Сверхчеловека. В своих философских интенциях по поводу культуры Ф.Ницше представил свою оригинальную версию эстетического мироистолкования. Лишенный трансцендентного, мир превращается в «имманентную реальность становления», в «толкующее бытие», которое постоянно требует от человека «оценивания» и «истолкования» мира художником–творцом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Коплстон Ф. От Фихте до Ницше. М.: Республика, 2004. С. 437.
2. Кузубова Т.С. Метафизические миры Достоевского и Ницше. Ек.: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. Ун-та, 2001. С. 191.
3. Кузубова Т.С. Метафизические миры Достоевского и Ницше. С. 192.
4. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинизм и пессимизм. С. 58.
5. Коплстон Ф. От Фихте до Ницше. М.: Республика, 2004. С. 443.

Богомалов В.О., г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Переход от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу, высокая степень информированности и приобщенности людей к общественным процессам приводят к потребности проанализировать особенности субъекта социальных интересов – массы.

Анализ феномена «массы», массовой психологии и культуры дан испанским философом Х. Ортега-и-Гассетом в работе «Восстание масс» (1930 г.). Философ пишет: «Массы внезапно стали видны, они расположились в местах излюбленных «обществом». Они существовали и раньше, но оставались незаметными, занимая задний план социальной сцены; теперь они вышли на авансцену, к самой рампе, на места действующих лиц. Герои исчезли, остался хор». Причину такого выдвигания масс Ортега-и-Гассет видит в низком ка-

честве цивилизации и культуры. Принадлежность к массе – чисто психологический признак, ибо человек массы чувствует, что он «точь-в-точь» как все остальные.

Сегодня смысл, вкладываемый исследователями в понятие «массы», весьма различен. Каждое из них связано с раскрытием того или иного механизма воздействия на массовое сознание.

Американский социолог Д. Белл одним из первых попытался дать систематизированный анализ многочисленных определений «массы». В работе «Конец идеологии» (1960 г.). Д. Белл выделил среди них пять основных: «массы как недифференцированное множество», «массы как синоним невежественности», «массы как механизированное общество», «массы как бюрократическое общество» и «массы как толпа».

Типичными признаками человека как части массы исследователи считают: обезличенность, резкое преобладание чувства, утрата интеллекта, утрата личной ответственности. Отдельный человек, став в определенной ситуации частью массы, полностью подпадает под ее влияние, теряет собственное «Я». Верх берет инстинктивное, иррациональное.

Говоря о социальном поведении масс, по мнению ученых, масса в своих действиях не руководствуется традициями, культурным опытом. В ней отсутствует социальная организация, разделение труда, система лидерства. Здесь исчезают индивидуальные различия, разнородное утопает в однородном, наружу прорываются общие для всех подсознательные импульсы. Масса никогда не бывает мыслящим существом, она редко чувствует, она обычно рефлексивна. Специалисты, рассматривая массы как атрибут индустриального общества, разрабатывали концепции манипулирования большими социальными группами. В связи с чем ставился вопрос о сознательных и бессознательных механизмах управления массовым сознанием. При этом огромная роль отводилась средствам массовой информации, особенно телевидению.

Инфосфера общества «третьей волны» будет отличаться своей «демассификацией». Уже сегодня, утверждает крупный американский футуролог А. Тоффлер, «мы все больше становимся владельцами технологии сознания». В обществе «второй волны», разъясняет нам автор, профессиональные манипуляторы производили идеи для публики. Последняя же была бессильна вмешиваться в этот процесс. Наиболее революционной чертой новой инфосферы станет ее способность вовлечь каждого индивида в процесс производства и распространения идей. «Заглядывая вперед, - пишет Тоффлер, - можно предвидеть такую стадию, когда даже обычное телевидение станет интеракционистским и вместо того, чтобы просто смотреть на актеров, мы будем иметь возможность говорить с ними и таким образом влиять на их поведение.

Другими словами, в обществе будущего, следуя логике американского ученого, манипулирование как таковое будет отсутствовать. Само развитие средств массовой информации превратит его в свою противоположность – децентрализованную систему активного участия каждого члена общества в создании потребляемой им самим идеологической продукции. В обществе «третьей волны» не будет ни манипуляторов, ни манипулируемых; их место займут «просьюмеры» – люди, органически сочетающие в себе функции производителей и потребителей. А. Тоффлер, как и К. Лаудон, Дж. Робинсон, К. Черри, связывает эту область научно-технического прогресса с возможностью демократизации общества.

Характерной тенденцией последних лет является стремление западных теоретиков рассматривать проблемы манипулирования сознанием и поведением масс в контексте глобальных проблем. В статье «Будущее мировой коммуникации и пропаганда» известный политолог Г. Лассуэлл пишет, что развитие современной коммуникационной техники, позволяющее почти одновременно распространять ту или иную информацию по всему миру, в конечном итоге приведет ко «всеобщей интеграции». Решающим условием продвижения

к этому «качественно новому уровню социальной целостности» Лассуэлл считает решение проблемы «идентичности». Речь идет о понимании человеком собственной ценности в его взаимосвязях с окружающей средой, своего места среди бесчисленного множества себе подобных человеческих существ. «Это глубокое и настойчивое желание человека (индивида) идентифицировать себя с жизнью определенного сообщества».

Проблема идентификации западными глобалистами рассматривается как проблема массовой коммуникации в широком смысле слова. Это проблема управления идеологической жизнью современного общества, идеологической интеграции социального организма, проблема привлечения широких масс, человеческого фактора к функционированию социальной системы как целого. При этом у каждого индивида неизбежно формируется потребность в установлении и стабилизации «всемирного общественного порядка». Лассуэлл утверждает, что развитие современных средств массовой информации уже перешагнуло тот рубеж, за которым движение к «глобальному сообществу» становится необратимым.

Логика рассуждений теоретиков-глобалистов подводит к оптимистическому выводу о том, что в будущем, глобальном, планетарном обществе манипулирование массами как таковое будет отсутствовать, ибо полное совпадение интересов общества и отдельного индивида соединит субъект и объект манипулирования в единое целое.

В контексте формирования массовой информационной культуры современного мира особая тема – осмысление не только того, какие новые возможности мы приобретаем, используя информационные технологии, но и каких возможностей, освоенных и ставших достоянием человечества, мы лишаемся. Книжная культура, составившая ядро письменных культур, постепенно сдает свои позиции новым способам самоорганизации культуры, а именно тем, которые обеспечивают работу компьютеров, ТУ, кино, видео. Эту современную массовую культуру специалисты называют «экранной», отличающейся по многим своим параметрам от становящейся теперь традиционной – книжной культуры. Какие возможности открывает экранная культура и какие ограничения кладет ее развитию?

По способам самоорганизации культуры, сложившимся в истории, можно различать три глобальных культурных типа: дописменный, иногда именуемый традиционным, письменный, основу которого составляет книжность, и экранный, находящийся сегодня в состоянии формирования посредством информатизации.

Причиной и средствами перестройки культурного кода, как и на этапах «дописменной» и «книжной» культуры, являются «технологии» самой знаковой деятельности. Появление ритуалов – практической стороны мифа, затем письменности, затем книгопечатания, а теперь, компьютера по-разному организовывало культурную память, что влияло на самоорганизацию культуры в целом.

В появившемся компьютере современные ученые видят итог эволюции книги и того культурного кода, который держится на линейном способе письма. Экран компьютера, его дисплей интерпретируется как «компьютерная страница», где и происходит трансформация книжной культуры. Однако этот процесс свидетельствует не только о появлении новой техники для фиксации культурной памяти. Компьютерная страница, пишут исследователи, «все более выступает как основа становления зрелой формы экранной культуры – новой историко-культурной целостности».

Смысл этого процесса состоит в том, что культурный код больше не нуждается в некоем культурном образце, как это было в прошлых культурных типах. Экранный культурный код находит «живой» способ функционирования. Экранная культура нуждается в естественном доверии к профессионализму, нравственности, эмоциональному богатству и способности к творчеству, к богатству личной гуманитарной культуры.

Информационная культура – особая социальная инфраструктура, сложившаяся под воздействием информатизации и компьютерной революции, затронула такие сферы человеческой деятельности, как создание системы артефактов, познания, ментальности, системы ценностей, процесса социализации индивида.

Можно высказать предположение, что в ходе смены ближайших поколений информационная культура станет массовой информационной культурой.

Формирование информационной культуры в целом и ее важнейших составляющих – экранной, компьютерной и Интернет-культуры могут стать фундаментальным фактором массового цивилизованного поведения.

Хорошкевич Н.Г., г. Екатеринбург

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ С ПОЗИЦИЙ РИСКА

Современная культура содержит в себе вопросов, требующих решения. Одной из форм культуры, являющейся наиболее неоднозначной, достаточно поздней является массовая культура. В связи с этим целесообразно исследование массовой культуры с различных сторон, в том числе с позиций риска.

Массовая культура – явление очень противоречивое. Как любое явление ее можно рассмотреть с точки зрения риска. Массовая культура с позиций риска может быть рассмотрена в отношении разных субъектов, с различных сторон ее воздействия, а так как это явление очень многогранное, то и как совокупность рисков. Одним из таких рисков является манипулирующее воздействие массовой культуры на личность.

Толпой управляли всегда [1, с.132]. «Лишь только известное число живых существ соберется вместе, все равно, будет ли то стадо животных или толпа людей, они инстинктивно подчинятся власти своего вожака, - писал по этому поводу Г.Лебон, – ...все власти-тели мира, все основатели религий или государств, апостолы всех верований, выдающиеся государственные люди и, в сфере более скромной, простые вожаки маленьких человеческих общин всегда были бессознательными психологами, инстинктивно понимавшими душу толпы и часто – очень верно. Именно благодаря этому пониманию они становились властелинами толпы» [2, с.193]. До 20 века сила масс проявлялась только в периоды крушения цивилизаций. Только в 20 веке массы становятся общность, имеющей надклассовый характер, объединяющей большинство населения, - и как писал Г.Лебон, - могущество масс представляет собой единую силу, которой ничто не угрожает и значение которой все увеличивается» [3, с.129].

Выход масс на историческую арену, произошедший в период капитализма, требовал нового способа управления ими. Человек масс не только появляется, но, и сознательно формируется правящей элитой. Как отмечает Ортега-и-Гассет Х., человек масс желателен «верхам», т.к. легко управляем. И это логично.

Как известно, отношения культуры и правящего класса всегда были неоднозначны. Власть всегда стремилась контролировать культуру. Массовая культура – одна из форм культуры, поэтому она также является одним из элементов, при помощи которого «верхи» оказывают определенное воздействие на «низы». Любое манипулирование – прежде всего, всегда осуществляется в пользу манипулятора. Цели манипулятора и субъекта, которым манипулируют, могут быть противоположны. Поэтому всегда существует опасность не реализовать свои интересы для того, кем манипулируют. Это - во-первых.

Во-вторых, манипулирование в массовой культуре усугубляется также способом воздействия. Массовая и не массовая культуры опираются на некоторые архетипические